

Батюшка о. Евфимій Владиміровъ.

(По случаю 5-ти лѣтъ со дня его смерти).

Въ нынѣшнемъ 1902 году, 13 октября, исполнилось пять лѣтъ со дня смерти бывшаго священника градо-Семиналатинской Воскресенской церкви о. Евфимія Владимірова. Неумирающая и свѣтлая память объ этомъ пастырѣ — труженикѣ и побуждаетъ насъ во второй разъ писать о немъ.

Примѣч. Небольшая брошюра «Памяти іерея Евфимія», изданная въ годъ его смерти, вся разошлась; отъ продажи ея образовался капиталъ имени почившаго — 300 руб. Одинъ близкій человекъ къ почившему о. Евфимію увѣрялъ насъ съ клятвою, что года за два еще до своей смерти о. Евфимій раза три говорилъ ему, что «будутъ писать о немъ, о. Евфиміи, память». «И у меня, говоритъ этотъ духовный сынъ почившаго, душа рвалась рассказать о немъ; меня что-то толкало, начался какъ бы судороги отъ того, что храню

Личность и пастырское служеніе почившаго выдѣляются изъ ряда обыкновенныхъ и достойны того, чтобы о нихъ говорили во всеуслышаніе. Какъ въ мірѣ есть герои и геѳи, которымъ онъ строитъ памятники, такъ и въ церкви Христовой есть свои нравственныя герои—подвижники, труженики, ревностные служители богу и ближнимъ, которые строятъ себѣ памятники въ сердцахъ соприкасающихся съ ними людей и получаютъ награду въ своемъ служеніи, въ своемъ нравственномъ самосовершенствованіи и приближеніи къ Богу. Если подобныя нравственные герои по своему христіанскому смиренію и не ищутъ земной славы, то правда и нравственная польза живущихъ требуютъ, что бы ихъ, какъ свѣточей, не скрывали подъ спудомъ, чтобы память о нихъ жила подольше. Вѣдь много значить для человѣка примѣръ, и сердечную отраду ему можетъ принести мысль: „пусть мы грѣшны, пусть наша жизнь кинитъ пороками и ложью, но есть все-таки на свѣтѣ правда и свѣтъ—есть люди, которые среди нашей же обыденной жизни такъ недавно и усиленно боролись со грѣхомъ, жили во имя свѣта и правды“.

О. Евѳимій былъ именно однимъ изъ нравственныхъ героев,—безвѣстныхъ и смиренныхъ пастырей-простецовъ, которые живутъ больше для другого міра, однимъ изъ тѣхъ молитвенниковъ-тружениковъ, которыхъ такъ любить и цѣнить нашъ чуткій простой народъ. Народная молва говоритъ, что извѣстный о. Іоаннъ Кронштадскій отсылалъ сибиряковъ за молитвами къ о. Евѳимію. Насколько эта молва вѣрна, мы не ручаемся, но то вѣрно, что за тысячи верстъ знали о „батюшкѣ о. Евѳиміи“ (или о. „Евѳимѣ“ какъ его въ простонародѣ называли), шли и ѣхали къ нему, присылали по почтѣ денегъ съ просьбою помолиться о здравіи, или помянуть за упокой: всѣ богомольцы, приходившіе на Св. Ключъ, знали о. Евѳимія, а здѣшніе горожане считали о. Евѳимія тѣмъ молитвенникомъ, которымъ держится благополучіе нашего города; нѣкоторые считали его прозорливымъ, приписывали и те-

тайну—нѣкоторыя событія изъ жизни о. Евѳимія; и со слезами бѣжало ко гробу и все говорило про себя: «Надо писать, надо писать!» Изъ словъ этого почитателя покойнаго и словъ дочери почившаго мы узнали и передаемъ нѣкоторыя черты изъ жизни добраго пастыря.

теперь приписываютъ его молитвѣ исцѣленіе отъ разныхъ болѣзней. Память объ о. Евѳиміи крѣпка въ нашемъ городѣ и теперь: чуть не въ каждомъ поминикѣ можно найти имя почившаго іерея Евѳимія; доселѣ не зарастаетъ трона къ его могилѣ близъ алтаря Воскресенской церкви; доселѣ въ мраморномъ памятникѣ теплится неугасимая лампада, возженная его искренними почитателями, кои поставили надъ его гробомъ два памятника. Память о подобныхъ лицахъ не умираетъ и не должна умирать... *Поминайте наставники ваша, яже глаголаше вамъ Слово Божіе* (Евр. XIII, 7).

Изъ разсказовъ о. Евѳимія о самомъ себѣ и изъ послужнаго его списка мы знаемъ, что родился онъ въ Тобольской губерніи въ концѣ 1827 года въ семьѣ сельскаго діакона. Отца своего онъ лишился рано; были у него два брата. <Мать меня не любила, говорилъ онъ, а любила старшаго брата. Плохо жилось мнѣ въ семьѣ: жена старшаго брата—сноха—была женщина больная и сварливая. И лучше собакѣ у худого хозяина жить, чѣмъ мнѣ жилось отъ снохи. Меня сильно гнали дома, а я старался всеѣмъ угождать и все терпѣливо переносилъ>. Не сладка ему была жизнь въ родной семьѣ: не было родной ласки и теплаго участія, коими такъ дорого дѣтство; настолько мрачно было его дѣтство, что и послѣдніе годы не изгладили тяжелаго впечатлѣнія о немъ!

Настали годы ученія, отдали его для обученія въ Липецкое духовное училище. Едва ли красна была жизнь въ училищѣ. Страшное слово „бурса“ теперь уже отошло въ область преданій, а между тѣмъ бурса была и все невзгоды ея долженъ былъ вынести ученикъ Владиміровъ. Ему даже, можетъ быть, приходилось эти невзгоды и разныя наказанія перенести болѣе другихъ, такъ какъ ученіе ему не давалось, и онъ, по его словамъ, „за тупость“ исключенъ былъ изъ высшаго отдѣленія 4-го класса означеннаго училища. Самъ сирота, онъ и женился на сиротѣ и поступилъ дьячкомъ въ одинъ изъ приходовъ Тобольской губерніи, Усманскаго уѣзда. Повинуясь волѣ Божіей, которая обнаруживается въ частныхъ обстоятельствахъ жизни, вручая себя провидѣнію Божію, о. Евѳимій послѣ 10-ти лѣтней службы на родинѣ рѣшилъ ѣхать въ Сибирь. Если теперь съ проведеніемъ желѣзной дороги для

многихъ Сибирь является мѣстомъ ссылки и чего-то ужаснаго, то что думали о Сибири 50 лѣтъ тому назадъ? Не знали даже ближайшаго и прямаго пути сюда (Покрайней мѣрѣ тотъ же о. Евимій совершаетъ свой путь изъ Тамбовской губерніи въ Томскъ, чрезъ гор. Оренбургъ). Съ твердою вѣрою въ Господа, который обѣщаль и здѣсь, на землѣ, сторицею награждать оставляющихъ ради него домъ, братію и близкихъ (Марк. 29—30), въ 1859 году съ женой и четверыми дѣтьми, въ одной повозкѣ, съ деньгами 50 руб., самъ чуть не всю дорогу пешкомъ, онъ совершилъ трудное путешествіе въ гор. Томскъ и принятъ былъ Преосвященнымъ Парѣніемъ на службу въ Томскую епархію. *(Окончаніе слѣдуетъ).*

Протоіерей Александръ Соловьевъ.

Батюшка о. Евфимій Владиміровъ.

(Окончаніе).

Послужной списокъ о. Евфимія не великъ. Годъ онъ служилъ дячкомъ въ Антоноевской станицѣ Війскаго уѣзда; въ 1860 году опредѣленъ затѣмъ діакономъ въ городъ Усть-Каменогорскъ къ Троицкой церкви; черезъ 10-ть лѣтъ—въ 1870 году, по слабости голоса, противъ своего желанія, такъ какъ не считалъ себя достойнымъ великаго іерейскаго сана, онъ былъ рукоположенъ во священники и назначенъ въ село Тарханское. Въ томъ же 1870 году лишился своей жены. Служеніе его въ с. Тарханскомъ было благодѣтельно: его, какъ добраго пастыря, страшно любили. Такъ, когда онъ жилъ въ с. Тарханскомъ, единовѣрцы с. Секисовки упростили и умолили его перейти въ ихъ приходъ; но какъ только Тарханскіе прихожане узнали о томъ, то и старые и малые собрались къ церкви, окружили своего пастыря, пали веѣ на колѣни и со слезами просили: „батюшка не оставь насъ, батюшка похорони насъ!“ Могъ ли о. Евфимій устоять противъ такой прось-

бы, когда вообще и во всей его жизни не въ его характерѣ было отказываться? „Что я подѣлаю, говорилъ онъ часто, если меня просятъ? Развѣ я могу отказать просящему?“ Ничто бы, кажется, не заставило его переѣхать свой хотя и бѣдный приходъ, но Господу угодно было указать ему служеніе въ другомъ мѣстѣ. О. Евѣимій какъ-то прѣѣхалъ въ гор. Семипалатинскъ. Не желая и въ гостяхъ пропустить праздникъ безъ Богослуженія, онъ направляется служить въ здѣшнемъ соборѣ. Мѣстный протоіерей, знавшій о. Евѣимія, послѣ литургіи говоритъ ему: „Вы что не занимаете свободное мѣсто въ нашемъ городѣ? Перенравивайтесь. — подавайте прошеніе“. Безотвѣтный о. Евѣимій не можетъ ослушаться воли протоіерея и единственно только исполняя его волю, подаетъ прошеніе, и буквально почти бѣжитъ отъ своихъ, любившихъ его прихожанъ. Тайно собравшись въ дорогу, онъ послѣ литургіи, не простившись какъ слѣдуетъ съ прихожанами, торопливо уѣзжаетъ въ новый приходъ. Прихода Воскресенской Казачьей церкви, къ тоторому опредѣлился о. Евѣимій въ нашемъ городѣ, избѣгали другіе священники: старшій священникъ при немъ взыскательный, придирчивый къ сослуживцамъ ни съ кѣмъ не уживался. „Но я съ нимъ уживусь“ говорилъ о. Евѣимій, когда его стращали настоятелемъ. И дѣйствительно и не разъ въ своей жизни, о. Евѣимій уживался съ такими лицами, съ которыми другіе не уживались: его смиреніе и безотвѣтность отражали всегда всякаго рода придирки и нападки. Первымъ дѣломъ о. Евѣимія по прѣѣздѣ сюда было введеніе ежедневнаго Богослуженія. „Гдѣ Вы на богослуженіе ежедневное найдете средства?“ спрашивалъ его настоятель. „А я буду все нужное покупать на свой счетъ, отвѣтилъ о. Евѣимій, да это все скоро окупится“. И дѣйствительно, стали ходить въ церковь богомольцы и въ будніе дни, и за 20-ть лѣтъ службы здѣсь о. Евѣимія, значительно благоустроилась Воскресенская церковь, — нѣтъ здѣсь прежней бѣдности и скудости. Въ гор. Семипалатинскѣ о. Евѣимій священствовалъ около двадцати лѣтъ — съ 1878 г. по 1897 годъ. О службѣ его за это время знаю, конечно, здѣшніе старожили. Кто не знаетъ здѣсь батюшку о. Евѣимія? Его можно было часто видѣть на улицѣ: то онъ ѣдетъ кого исповѣдывать или крестить, то онъ выслу-

шиваетъ наболѣвшее горе у встрѣтившей и остановившей его старухи, то служить молебень и т. п. „Я, вѣдь, походный священникъ“, — говорилъ онъ о себѣ. Онъ намъ и теперь представляется въ своей поношенной и полинялой рясѣ, со своими уже старческими тусклыми глазами и охрипшимъ голосомъ при отпращиваніи христіанскихъ требъ, неутомимый, благодушный, безкорыстный. Полная трудовъ и всякаго рода лишеній виѣшняя жизнь о. Евѣимія ничѣмъ не отличалась отъ жизни его прихожанъ: помимо пастырскихъ обязанностей онъ несъ, если оставалось время, физическій трудъ, велъ свое хозяйство и былъ лично крайне нетребовательный, ограничивался самымъ малымъ и необходимымъ. Какой трудъ и какія скорби приходилось переносить почившему — объ этомъ одинъ Богъ знаетъ! Много о. Евѣимію приходилось переносить скорби отъ своихъ сослуживцевъ, много приходилось переносить скорби и отъ своихъ пасомыхъ — казаковъ, имъ любимыхъ. Сослуживцы высказывали неудовольствіе на то, что о. Евѣимій въ чужомъ приходѣ отпращивалъ требы, за что имѣющіе власть штрафовали его. Близкіе, подчиненные люди, пользуясь его добротой и довѣріемъ, обманывали, обирали его. Посторонніе люди возмущались даже будто подобными поступками съ нимъ и жаловались батюшкѣ; но о. Евѣимій говорилъ только: „Богъ съ ними, Богъ съ ними! пускай поправляются, бѣднымъ нужно чѣмъ — нибудь жить“. Настроеніе его всегда было ровное, веселое; самососредоточенный, онъ избѣгалъ общества; безотвѣтный, онъ не умѣлъ и не смѣлъ отказывать, — займетъ да подаетъ нуждающемуся; страннолюбивый, онъ обращалъ свой домъ въ квартиру для богомольцевъ. О ближнихъ онъ былъ самаго хорошаго мнѣнія. Смѣхъ добродушный, легкую шутку надъ ближнимъ онъ ставилъ себѣ въ грѣхъ. Скажетъ что нибудь самое безобидное и тутъ же прибавляетъ: „Господи прости насъ грѣшныхъ!... Охъ грѣхи наши, грѣхи! О своихъ прежнихъ слабостяхъ онъ не стыдился рассказывать — на противъ даже старался рассказывать. Памятованіе и воспоминаніе своихъ грѣховъ, произношеніе имени Божія — молитва, вотъ, кажется, что чаще произносили его уста! А какъ служитель храма, онъ былъ можно сказать неутомимъ. „Я хочу, говорилъ онъ намъ не за долго до смерти въ шутку, хочу жа-

ловаться на своего сослуживца на то, что онъ часто начинаетъ служить и мнѣ не даетъ“. Литургію совершать онъ старался ежедневно. И болѣзнь не удерживала его отъ богослуженій. А какой незамѣнимый онъ былъ молитвенникъ! Никогда и никому онъ не отказывалъ въ требосправленіи и молитвѣ. Никогда не выражалъ передъ кѣмъ—нибудь хотя бы малое неудовольствіе. И въ полночь, и въ непогодъ и на чѣмъ придется: и въ телѣгѣ, и верхомъ на лошадахъ, на возу, онъ шелъ или ѣхалъ иногда за десятки верстъ, туда, куда его звали и тотчасъ же съ полною готовностью. Нельзя не рассказать такой характерный, неразъ будто бы повторявшійся случай: служить о. Евѣимій съ иконою Божіей Матери по домамъ прихожанъ молебны; вотъ онъ видитъ знакомую женщину и обращается къ ней, называя ее по имени и отчеству: „Что Матерь Божію заноситъ къ тебѣ?“ „Да, батюшка, отвѣчаетъ та, у меня нѣтъ денегъ, заплатить нечѣмъ“. „Ну, такъ Матерь Божія заплатитъ за тебя“, говоритъ батюшка, и служитъ у ней въ дому молебенъ. Видывали какъ послѣ трудового дня ночью, когда другіе засыпали, о. Евѣимій вставалъ на молитву.

Много самоотверженія показалъ о. Евѣимій въ годъ холеры, бывшей въ 1892 году. Съ молитвой на устахъ, безбоязненно, безъ всякихъ колебаній и предосторожностей онъ шелъ напутствовать дальнихъ, утѣшалъ ихъ, помогалъ даже одѣвать умершихъ. „Матерь Божія сохранитъ меня“, говорилъ онъ съ вѣрою. Когда одинъ врачъ сдѣлалъ упрекъ о. Евѣимію за то, что онъ безъ предосторожностей, не перемѣняя рясы, можетъ разносить заразительную болѣзнь, то вѣрующій священникъ глубоко оскорбился: „Неужели я, говоритъ о. Евѣимій, неужели я, священникъ, служитель Божій, могу быть причиной заразы, когда я являюсь къ больнымъ съ утѣшеніемъ—съ Пречистыми и Животворящими Тайнами? Развѣ болѣзнь не зависитъ отъ воли Божіей? Гдѣ наша вѣра во Христа—Промыслителя?!“.

Лично намъ не много—всего раза четыре или пять—и не на долго приходилось встрѣчаться съ почившимъ; но и одного разу было, кажется, достаточно, чтобы понять его и не забыть. Добродѣтельнаго человѣка скорѣе узнаешь: онъ простъ,

не двойственъ, подобно лукавому и грѣшному человѣку. Душа подобныхъ о. Евѣимію людей сразу видна, и сквозь поношенную ветхую одежду у нихъ какъ бы лучше еще просвѣчиваетъ нѣчто свѣтлое, чистое и неветшаемое. Смиреніе о. Евѣимія, его незлобивая безкорыстная и любвеобильная душа прямо тянули къ себѣ. У меня является сожалѣніе о томъ, что Господь не привелъ миѣ по долѣе пожить съ батюшкой о. Евѣиміемъ, пользоваться его совѣтами, укрѣпляться его молитвою и испросить у него, какъ у пророка Іліи, милости—его терпѣнія въ пастырскомъ трудничествѣ, а главное—его смиренія, простоты и вѣры. Миѣ и теперь припоминается одинъ незначительный случай, обнаруживающій смиреніе о. Евѣимія. Не задолго до его смерти онъ удостоенъ былъ скуфьи. Заѣзжаетъ онъ ко миѣ въ домъ съ приглашеніемъ побывать у него въ его домѣ. Во время разговора съ нимъ я за чѣмъ-то поднялся со своего стула (мы оба сидѣли), смотрю и о. Евѣимій сложилъ руки и всталъ со своего стула. Я былъ просто пораженъ его поступкомъ; какъ и зачѣмъ почтенный старецъ, мой духовникъ, встанетъ предо мной? Вѣдь я не начальникъ его, онъ можетъ и долженъ ждать оказанія вниманія со стороны другихъ, младшихъ. Простите, читатель, у меня и теперь при воспоминаніи этого поступка навертываются слезы. Смиреніе почившаго видно здѣсь, не то смиреніе, которое боится начальства и дрожитъ за свою шкуру, а то истинно—христіанское смиреніе, которое считаетъ себя хуже всѣхъ, и по апостолу *„Честью другъ друга больше творить“*. Такъ и у Преподобнаго Іоанна въ Лѣствицѣ указывается при самой глубокой сѣдинѣ божественный образъ мыслей: Нѣкто Лаврентій, 80-ти лѣтній сѣдой старецъ, около 48-ми лѣтъ пребывающій въ обители, второй въ монастырѣ пресвитеръ, названный игуменомъ, и не отпущенный имъ, молча стоитъ предъ трапезой долгія часъ, или часа два, не какъ предъ трапезою человѣческою, но какъ предъ Божественнымъ жертвенникомъ, представляя пастыря въ Христовомъ образѣ (прецод. I. Лѣств. сл. 4.).

И умеръ о. Евѣимій на своемъ посту: только что отслужилъ литургію и проводилъ дрогнувшій на кладбище умершую старушку; пришелъ домой, сказалъ, что ему что-то нездоровит-

ся, прилесть не вкусивъ никакой пици и безмятежно, безъ всякихъ конвульсій, тихо, тихо заснулъ сномъ непробуднымъ. Смерть была для него уже ожидаемая и желанная гостья: давно уже онъ объ ней поговаривалъ: „Я, Маша, говорилъ онъ въ послѣднее время своей дочери, должно быть скоро умру... смерти я не боюсь“. А когда онъ получилъ скуфью, то, какъ дитя радуясь Архипастырскому вниманію, сказалъ будто-бы: «это мнѣ вѣничикъ во гробъ». Самъ онъ все приготовилъ для своего погребенія, приготовился исповѣдію и соединеніемъ со Христомъ въ таинствѣ Евхаристіи. Блаженная, скорая и безболѣзненная кончина! Онъ умеръ такъ, какъ желалъ и какъ дай Богъ умереть каждому изъ насъ!

13-го октября 1897 года часовъ въ 11—12 дня колокольный звонъ возвѣстилъ горожанамъ о смерти о. Евѳимія; 15-го октября въ день Ангела о. Евѳимія (ему исполнилось 70 лѣтъ) о. архимандритомъ (нынѣ Преосвященнымъ Сергіемъ, еп. Омскимъ), въ сослуженіи городскихъ и нѣкоторыхъ пріѣхавшихъ изъ селъ священниковъ, было совершено погребеніе его. Стеченіе народа у праха почившаго было необычайное. И вотъ здѣсь-то, на похоронахъ, все увидѣли и почувствовали кого мы лишились въ лицѣ почившаго. Много искреннихъ слезъ пролито было у гроба. Въ общемъ горѣ собравшихся при гробѣ почившаго о. Евѳимія православныхъ здѣшнихъ горожанъ и пріѣзжихъ поселянъ принимали участіе даже нѣкоторые иновѣрцы. Намъ доселѣ не приходилось видѣть такихъ проявленій любви и уваженія къ почившему пастырю, какія мы видѣли здѣсь. Это дѣйствительно было тяжелое розставаніе духовныхъ чадъ со своимъ любимымъ и незамѣнимымъ отцемъ-пастыремъ: съ любовью и со слезами цѣловали ноги почившаго. Съ болью вырывавшееся слово: «батюшка» носило здѣсь свой настоящий смыслъ и раздирало душу и трогало сердца присутствующихъ. «Не было у васъ такого пастыря и не будетъ» — припоминаются намъ слова, сказанныя послѣ отиѣванія разчувствовавшимся католикомъ — полякомъ. Да, дѣйствительно не много можно найти такихъ смиренныхъ, безотвѣтныхъ, безкорыстныхъ священниковъ — труженниковъ, не много можно найти такихъ пастырей-подвижниковъ не здѣсь только, а во всей нашей обширной Православной Руси!

Подвигъ есть въ сраженіи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ;
Высшій подвигъ въ терпѣніи,
Любви и мольбѣ.

Есть у подвига крылья
И взлетишь ты на нихъ
Безъ труда, безъ усилія
Выше мраковъ земныхъ.

Протоіерей Александръ *Соловьевъ*

4-го окт. 1902 г. Гор. Семиналатинскъ.
